

Содержание

Пролог	2010 год	9
Глава 1	2011 год: индивидуализм или тоталитаризм?	23
Глава 2	2012 год: сменяемость или крах?	46
Глава 3	2013 год: интеграция или империя?	78
Глава 4	2014 год: обновление или вечность?	125
Глава 5	2015 год: истина или ложь?	175
Глава 6	2016 год: равенство или олигархия?	237
Эпилог	20–	302
	<i>Благодарности</i>	307
	<i>Примечания</i>	311
	<i>Указатель</i>	399

*Посвящается репортерам —
героям нашего времени*

Пролог

2010 год

Мой сын родился в Вене. Роды были трудными, поэтому врач-австриец и акушерка-полька заботились в первую очередь о ребенке. Когда он начал дышать, его ненадолго передали матери. После ее увезли в операционную. Акушерка Ева протянула ребенка мне. Я и мой сын слегка растерялись, но вместе мы справились с ситуацией. Мимо нас бежали хирурги, щелкали резинки масок, и ребенок блуждающими лиловыми глазами наблюдал за мельтешением зеленых пятен медицинской одежды.

На следующий день все, казалось, шло хорошо. Медсестры посоветовали мне уйти из роддома в обычное время, в пять вечера, и до утра оставить мать с ребенком на их попечение. Теперь я уже мог рассылать, с небольшим опозданием, сообщения о рождении сына. Некоторые мои друзья узнали хорошие новости точно в тот момент, когда и дурные. Один из них (ученый, с которым я встречался в Вене еще в прошлом веке) спешил на самолет в Варшаву. Мое письмо летело со скоростью света, но он так его и не прочитал.

Две тысячи десятый год стал временем осмысления. Финансовый кризис 2008 года уничтожил значительную долю мирового богатства, а от замедленного восстановления выигрывали богатые. Пост президента США занимал афроамериканец. Большое приключение Европы 2000-х годов — расширение Европейского Союза на восток, казалось, подошло к концу. Две тысячи десятый год — когда миновали десять лет нового века, два десятилетия после краха коммунистической системы в Европе и семь десятилетий после начала Второй мировой войны — казался годом подведения итогов.

В том самом году я работал с историком Тони Джадтом — незадолго до его смерти. Я восхищался книгой Тони об истории Европы — “После войны” (2005). Он рассказывал о невероятно успешном собирании Европейским Союзом осколков империй и конструировании из них мощнейшей в мире экономической структуры и главного оплота демократии. В конце книги автор делился своими размышлениями о памяти европейцев о Холокосте. В XXI веке, писал он, формальностей и денег будет недостаточно: политические приличия могут потребовать рассказов об ужасах.

В 2008 году Тони заболел боковым амиотрофическим склерозом. Это нейродегенеративное заболевание обрекает человека на смерть, замыкая его в непослушной телесной оболочке. После того как Тони утратил способность пользоваться руками, свои с ним беседы о XX веке мы стали записывать на диктофон. В 2009 году нас обоих настораживала убежденность американцев в том, что капитализм необорим, а победа демократии неизбежна. Прежде Тони писал о безответственных интеллектуалах, служивших в XX веке тоталитаризму. Теперь, в XXI веке, его заботила безответственность иного рода: полное отрицание идей, которое расстраивает дискуссию, выхолащивает политику и делает нормой неравенство.

В тот период, когда мы беседовали с Тони, я работал над историей политически мотивированных массовых убийств, совершенных в Европе в 1930–40-х годах властями СССР

и нацистской Германии. Я рассказывал о народах (в первую очередь евреях, белорусах, украинцах, русских, прибалтах, поляках), столкнувшихся с обоими этими режимами и живших там, где действовали и нацисты, и коммунисты. Хотя сюжет был мрачен (я писал о спланированном голоде, расстрельных рвах и газовых камерах), к выводам я пришел сравнительно оптимистическим: причину массового убийства можно выяснить, а слова погибших — вспомнить. Истину можно озвучить. Уроки прошлого можно усвоить.

Одну из глав своей книги я посвятил поворотному пункту XX века: формированию советско-нацистского альянса, развязавшего Вторую мировую войну. В сентябре 1939 года Германия и СССР напали на Польшу, причем и Берлин, и Москва стремились уничтожить польское государство и польский политический класс. В апреле 1940 года НКВД казнил 21 892 польских военнопленных, большинство которых составляли офицеры запаса — образованные люди. Эти мужчины (и одна женщина) были убиты выстрелами в затылок и зарыты в пяти местах, в том числе в Катынском лесу около Смоленска. Катынский расстрел стал для поляков главным символом советских репрессий.

После Второй мировой войны в Польше установился коммунистический режим. Страна превратилась в сателлита СССР, и говорить о Катynie было нельзя. Лишь после распада Советского Союза в 1991 году историки смогли выяснить, что произошло. Советские документы не оставили сомнений в том, что массовое убийство — сознательный шаг, одобренный лично Сталиным. Российская Федерация прилагала большие усилия, чтобы разобраться с наследием сталинского террора. 3 февраля 2010 года, когда я закончил работу над книгой, премьер-министр России неожиданно предложил своему польскому коллеге провести в апреле совместные мероприятия по случаю семидесятой годовщины убийств в Катynie. В полночь 1 апреля, когда должен был родиться мой сын, я отослал рукопись издателю. 7 апреля польская правительственная делегация во главе с премьер-министром приехала в Россию. На следующий день моя жена родила ребенка.

Через два дня в Россию отправилась вторая делегация. В нее входили: польский президент с супругой, командующие вооруженными силами, парламентарии, гражданские активисты, священнослужители и члены семей тех, кто погиб в 1940 году в Катыни. Одним из пассажиров этого самолета был мой друг Томаш Мерта, ответственный за памятные мероприятия: уважаемый политолог, замминистра культуры и национального наследия. Ранним утром в субботу 10 апреля Томек сел в самолет. В 8.41 самолет потерпел крушение, не дотянув до взлетной полосы военного аэродрома в Смоленске. Выживших не оказалось. В венском роддоме раздался звонок мобильного, и женщина в трубке закричала по-польски.

Вечером следующего дня я просмотрел ответы на свои электронные письма. Один из моих друзей выразил опасение, что я, купающийся в личном счастье, не вполне понял, что именно произошло: "... По-моему, ты плохо разобрался в ситуации. Вообще-то, Томек Мерта был убит". Другой — он значился в списке пассажиров — сообщил мне, что передумал лететь и остался дома: его жена через несколько недель должна была родить.

Он написал: "Теперь все изменится".

В Австрии в родильных домах матери остаются после родов на четыре дня, чтобы медперсонал рассказал им о кормлении и уходе за ребенком. За это время семьи в роддоме успевают перезнакомиться, родители — выяснить, какими языками они владеют, и затеять беседу. На следующий день мы по-польски обуждали возможный заговор. Были выдвинуты версии: самолет сбили русские — или же польское правительство спланировало убийство президента (ведь он и премьер-министр принадлежали к разным партиям). Мать-полька спросила, что об этом думаю я, и я ответил, что то и другое очень маловероятно.

Еще день спустя мою жену с ребенком выписали, и мы отправились домой. Присматривая за сыном (он спал рядом в корзинке), я написал о Томеке два текста: некролог (по-поль-

ски) и рассказ о катастрофе (по-английски), который закончил обнадеживающими словами о России. Поскольку президент Польши погиб, желая почтить память убитых на российской земле, я выразил надежду, что премьер-министр Путин воспользуется этим, чтобы начать широкое обсуждение истории сталинского СССР. Кажется, это было уместное в печальном апреле 2010 года допущение. Но я сильно заблуждался.

Все изменилось. В сентябре 2011 года Владимир Путин (перед тем, как стать премьер-министром, он уже дважды занимал пост президента) объявил, что желает снова стать президентом. На выборах в декабре его партия провалилась, но все же получила большинство мест в Государственной думе. В мае 2012 года Путин стал президентом после выборов, также, по-видимому, проведенных с нарушениями. Затем Путин озаботился тем, чтобы дискуссия о советском прошлом (например, о Катыни, которую он сам же и начал) стала уголовно наказуемой. Смоленская катастрофа ненадолго сплотила польское общество, а после раскола его на годы. С течением времени одержимость трагедией 10 апреля 2010 года росла, отодвигая на второй план и Катынский расстрел, и все исторические эпизоды польского мученичества. Польша и Россия перестали размышлять об истории. Времена изменились. Или, может быть, изменилось наше ощущение времени.

Над Европейским Союзом сгустились тучи. Наш роддом в Вене, где недорогая страховка покрывала все расходы, служит напоминанием об успехе европейского проекта. Роддом предоставляет услуги, которые в большинстве стран Европы считаются обычными — но немыслимы для США. То же самое можно сказать о быстром и надежном метрополитене, при помощи которого я добрался в роддом: это норма для Европы и недостижимая мечта для Америки. В 2013 году Россия ополчилась на якобы растленный и враждебный Европейский Союз. Успехи ЕС могли навести россиян на мысль, что бывшие части империи способны стать преуспевающими демократическими странами, так что их существование внешне оказалось под угрозой.

Украина сближалась с Европейским Союзом, и в 2014 году Россия напала на нее и аннексировала часть территории. К 2015 году Россия перенесла грандиозную кибервойну из Украины в Европу и США — при содействии множества европейцев и американцев. В 2016 году британцы проголосовали за выход своей страны из ЕС (чего давно желала Москва), а американцы избрали президентом Дональда Трампа (чему способствовали россияне). Новый президент США — вдобавок к прочим своим недостаткам — не способен размышлять об истории. Он не сумел ни почтить жертв Холокоста, когда к этому появился повод, ни обличить нацистов в самих США.

Хотя XX век окончательно и бесповоротно кончился, его уроки остались неусвоенными. В России, Европе и Америке появилась новая, соответствующая новой эпохе форма политики: несвобода.

Я несколько лет размышлял о политике жизни и смерти. Потом написал о катастрофе под Смоленском две статьи — ночью, когда грань между жизнью и смертью очень тонка. “Твое счастье посреди горя”, — как выразился один из моих друзей. И то, и другое казалось незаслуженным. Конец и начало слишком сблизились, даже перепутались: смерть прежде жизни, небытие прежде существования. Цепь времен распалась.

В апреле 2010 года (или около того) человеческая натура изменилась. Чтобы сообщить знакомым о рождении своего первенца, мне пришлось отправиться в кабинет и сесть за компьютер. (Смартфонами тогда мало кто пользовался.) Я ожидал ответа через несколько дней, даже недель. Два года спустя, когда родилась моя дочь, все перевернулось: смартфон в кармане вошел в привычку, а ответ вы получали или немедленно, или никогда. Иметь двоих детей — не то же самое, что быть отцом одного ребенка, но я все-таки думаю, что в начале 2010-х годов время стало менее целостным, неуловимым для всех нас.

Техника, призванная порождать время, вместо этого поглощает его. Поскольку мы утратили способность сосредото-

точиваться и запоминать, нам все кажется новым. В августе 2010 года, после смерти Тони, я совершил турне по Америке, обсуждая с читателями книгу “Размышления о XX веке” (*Thinking the Twentieth Century*), которую мы написали вместе с ним. В поездке я понял, что сам ее предмет — прошлое столетие — уже надежно позабыт. Я смотрел в гостиницах телевизор и видел, как российское ТВ, рассказывая, будто Барак Обама родился в Африке, развлекается болезненной историей межрасовых отношений в США. Я поразился тому, что вскоре эту тему подхватил и шоумен Дональд Трамп.

На рубеже нового века американцам и европейцам предложили выдумку о “конце истории”. Я буду называть ее *политикой предопределенности*: будущее похоже на настоящее, законы прогресса известны, альтернатив нет, и поделаться с этим ничего нельзя. В американской капиталистической версии “политики предопределенности” природа породила рыночную экономику, рынок родил демократию, а та принесла народам счастье. В европейской редакции история порождает нацию, которая (после войны) увидела, что мир — это хорошо, и выбрала интеграцию и процветание.

До распада СССР (1991) коммунизм предлагал собственную версию “политики предопределенности”: природа позволяет появление техники и технологий, которые обуславливают социальные изменения, те приводят к революции, а революция — к утопии. Когда все пошло иначе, адепты “политики предопределенности” в Европе и Америке возликовали. Европейцы в 1992 году занялись достройкой Европейского Союза. Американцы решили, что развенчание коммунистического мифа доказывает истинность мифа капиталистического. Четверть века после падения коммунистических режимов американцы и европейцы рассказывали друг другу о “предопределенности” — и так воспитали поколение “миллениалов” без истории.

Американская “политика предопределенности”, как и все подобные выдумки, отвергала факты. То, что произошло после 1991 года в России, Беларуси и Украине, наглядно пока-